

ЦАРСКИЙ ДОМ

В.И. Гурко

ЦАРЬ
И ЦАРИЦА

Царский Дом

Владимир Гурко

Царь и царица

«ВЕЧЕ»

1927

Гурко В. И.

Царь и царица / В. И. Гурко — «ВЕЧЕ», 1927 — (Царский Дом)

Владимир Иосифович Гурко (1862–1927) – видный государственный и общественный деятель Российской империи начала XX века, член Государственного Совета, человек правых взглядов. Его книга «Царь и царица» впервые вышла в свет в эмиграции в 1927 г. На основании личных наблюдений Гурко воссоздает образ последней российской императорской четы, показывает политическую атмосферу в стране перед Февральской революцией, выясняет причины краха самодержавного строя. В свое время книгу постигло незаслуженное забвение. Она не вписывалась в концепции «партийности» ни правого лагеря монархистов, ни демократов, также потерпевших в России фиаско и находившихся в эмиграции. Авторство книги часто приписывалось брату Владимира Иосифовича, генералу Василию Иосифовичу Гурко (1864–1937), которому в данном издании посвящен исторический очерк, составленный на основе архивных документов.

ББК 63.3(2)52-61

© Гурко В. И., 1927

© ВЕЧЕ, 1927

Содержание

В.М. Хрусталеv	6
Предисловие	6
Братья Гурко в истории России. Жизненный путь генерала Василия Иосифовича Гурко (1864–1937)	10
Конец ознакомительного фрагмента.	24
Комментарии	

Владимир Иосифович Гурко

Царь и царица

© В.М. Хрусталеv, составление, вступительный очерк, комментарии,
2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

В.М. Хрусталеv

Братья Гурко в истории России

Предисловие

Книга бывшего члена Государственного Совета Владимира Иосифовича Гурко «Царь и царица» (Париж, 1927) вышла в свет восемьдесят лет назад. Однако перед российским читателем в нашей стране в полном объеме и отдельным изданием она появляется впервые. Часто ее авторство в современных научно-популярных исторических работах и кратких биографических справках ошибочно приписывают его брату, генералу Василию Иосифовичу Гурко. Это, очевидно, происходит потому, что их инициалы полностью совпадают, а генерал В.И. Гурко был известным военным начальником в годы Первой мировой войны, некоторое время перед Февральской революцией исполнял должность начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего в Могилеве и непосредственно подчинялся императору Николаю II. Более того, часто встречается некоторая путаница при изложении биографий трех братьев Гурко, и отдельные эпизоды из их деятельности ошибочно приписываются вместо одного другому. В исторической литературе, а также в некоторых архивных документах и мемуарах, чтобы различать братьев, генерала В.И. Гурко часто называют под фамилией Ромейко-Гурко.

Несомненно, что при написании многочисленных воспоминаний и труда «Царь и царица» член Государственного Совета Владимир Иосифович Гурко (1862–1927) использовал не только свой личный опыт наблюдения, но и данные о жизни царской четы из непосредственного общения с родными братьями.

Стоит подчеркнуть, что биографические сведения о сложном жизненном пути генерала Василия Иосифовича Гурко (1864–1937) в исторической литературе довольно скудны. Хотя он сделал блестящую военную карьеру, достигнув во время Первой мировой войны поста от командира дивизией до командующего Особой армией и начальника штаба Ставки Верховного главнокомандующего, а вскоре после Февральской революции (в марте – мае 1917 г.) являлся главнокомандующим армиями Западного фронта. Однако за несогласие с военной политикой Временного правительства он был смещен с должности, обвинен в принадлежности к контрреволюционному заговору и выслан из России. Позднее, находясь в эмиграции, Василий Иосифович Гурко способствовал Белому делу и входил в состав руководства Русского общевойска союза (РОВС). Возможно, некоторая пелена таинственности вокруг имени генерала являлась результатом его целенаправленных усилий. Безусловно, он имел некоторые основания в известные периоды своей жизни избегать публичности, поскольку судьба его складывалась отнюдь не просто.

Однако вернемся к эмигрантскому изданию. Стоит подчеркнуть, что представляемая читателям книга В.И. Гурко «Царь и царица» имеет некоторое своеобразие. Это не только воспоминания и размышления известного государственного и общественного деятеля. Одновременно, по признанию многих, данный труд является результатом исследования и одной из лучших политических биографий последней российской императорской четы Романовых, удачной попыткой выяснения «их духовного облика». В ней автор воссоздает яркий образ императора Николая II и его супруги Александры Федоровны, показывает политическую атмосферу перед Февральской революцией и делает попытку показать влияние «темных сил» на общую ситуацию в стране, выясняет причины краха самодержавного строя. Рецензенты в эмигрантских периодических изданиях подчеркивали, что В.И. Гурко в данном труде удалось с честью справиться с трудной задачей, обнаружив «много психологического чутья и отличное понима-

ние механизма, управляющего людскими поступками. Книга его – прежде всего книга умного человека»^[1]. Однако имеются и негативные отзывы. Так, например, американский исследователь (выходец из России) Виктор Кобылин, имевший доступ ко многим эмигрантским изданиям, пишет: «В этих высказываниях Гурко мы видим и неприязнь, и мелочность, и то, что так характерно было для высшего света – пересуды о Государе и Государыне, ну, совсем как в свое время было в лакейской, где слуги сплетничали о своих барах»^[2].

Правда, стоит обратить особое внимание, что историк В.С. Кобылин бросает не по адресу обвинения в этом генералу Василию Гурко, как якобы автору данного произведения, а не его брату, члену Государственного Совета Владимиру Гурко. К сожалению, относительно авторства книги это далеко не единичное заблуждение. Тому есть причины. Владимир Иосифович Гурко при написании многочисленных исторических воспоминаний придерживался принципа не упоминания о себе, а уделял главное внимание событиям и людям, которые его окружали. Тем не менее в труде «Царь и царица» имеются краткие упоминания, что именно конкретно ему были предложения с намеками на вхождение в состав царского правительства в 1916 г. В частности, он указывает: «Так, ко мне лично два раза приезжал от Распутина один из близких ему людей, с которым он был знаком, а именно Г.П. Сазонов, с просьбой познакомиться с Распутиным и принять его. При этом Сазонов говорил: “Мы ищем способных людей, которые могли бы управлять страной”. ... Мне известно, что с подобными же предложениями Распутин, через третьих лиц, обращался ко многим, причем, насколько я знаю, ответ на эти предложения получался неизменно отрицательный»^[3].

Со своей стороны заметим, что книгу члена Государственного Совета В.И. Гурко «Царь и царица» постигло незаслуженное забвение. Она не вписывалась в концепции «партийности» ни для правого лагеря монархистов, ни для также потерпевших в те годы в России фиаско и находившихся в эмиграции демократов. Сторонники самодержавия имели большие претензии к братьям Гурко. Они упрекали Владимира Гурко, хоть и принадлежавшего к правым, за активное участие в «Прогрессивном блоке» и относительную оппозицию царскому правительству. Они не могли простить и его брата генерала Василия Гурко за то, что тот в бытность начальником штаба Ставки в Могилеве противодействовал перед Февральской революцией некоторым мероприятиям царского правительства по укреплению военных сил (на случай общественных беспорядков) в Петрограде и состоял членом масонской «Военной ложи». С другой стороны, в свою очередь, лагерь либералов не мог забыть генералу В.И. Гурко письма сочувствия, которое он написал 4 марта 1917 г. уже поверженному и опальному императору Николаю II. Позднее это письмо было опубликовано в периодической печати и послужило формальным поводом для Временного правительства (незадолго до Октябрьского переворота большевиков) высылки его за границу, как «врага завоеваниям революции». Заметим, что братья Гурко в годы Гражданской войны в России, а также находясь в эмиграции, принимали деятельное участие в Белом движении и принадлежали к «Монархической лиге». По этим причинам в Советском Союзе произведение «Царь и царица» числилось в «спецхране» под грифом «секретно», как явно контрреволюционное и антисоветское. После окончания Второй мировой войны из Праги (Чехословакия) в состав ЦГАОР СССР (ныне Государственный архив РФ) в Москву попала часть документальных материалов и библиотеки бывшего Русского зарубежного исторического архива (РЗИА), где также находилось упомянутое произведение Гурко. К сожалению, все это уникальное белоэмигрантское наследие также на долгие годы оказалось в «спецхране» и только с распадом Советского Союза было рассекречено.

Полное издание в России книги Владимира Иосифовича Гурко «Царь и царица», которое ныне выходит в серии «Царский дом», снабжено составителем именными и тематическими комментариями, рядом приложений, которые помогут читателю лучше ориентироваться в описываемых исторических событиях той далекой эпохи. Стоит подчеркнуть, что каждый смертный человек в силу различных причин часто тенденциозен в своих взглядах, и это не следует

забывать, особенно при ознакомлении с такой категорией исторических источников, как личные дневники, письма и воспоминания. Поэтому читателю необходимо иметь не только хотя бы общие представления об авторе самого произведения, но и его ближайшего окружения, и атмосфере того времени. Только в сопоставлении и анализе различных данных залог успеха к выяснению реальных событий.

В связи с тем, что биография генерала Василия Иосифовича Гурко до сих пор малоизученная, то составитель и издательство «Вече» посчитали рациональным поместить в данном издании исторический очерк, посвященный жизненному пути как его самого, так и его родственников, которые оставили заметный след в истории России. На сегодняшний день российский читатель имеет возможность познакомиться с деятельностью члена Государственного Совета Владимира Иосифовича Гурко по изданным в последние годы в нашей стране мемуарам^[4].

Стоит особо подчеркнуть, что В.И. Гурко при написании своего труда «Царь и царица» (Париж, 1927) использовал опубликованные частично к тому времени дневники и письма династии Романовых, воспоминания приближенных к царской семье^[5].

Однако при цитировании им этих источников иногда встречаются неточности, что можно объяснить или редакторской правкой данного произведения эмигрантским издательством, или, возможно, использованием различных вариантов перевода, т. к. императрица Александра Федоровна свои письма и дневники в основном писала на английском языке. Такие места книги составителем отмечены в комментариях. Стоит обратить внимание, что В.И. Гурко достаточно часто предвзято трактует те или иные события, выхватывая их из контекста исторической обстановки, и тем самым иногда наносит ущерб объективности. Он также дает порой жесткие характеристики отдельным политическим и государственным деятелям, которые в отзывах современников не всегда однозначны. Составитель и издательство в этих случаях при комментировании текста сочли уместным сослаться и на другие авторитетные исторические свидетельства, отличающиеся от мнения автора.

Передача текста книги В.И. Гурко соответствует современным правилам орфографии и публикации исторических документов. Текст издания воспроизводится полностью, все отточия принадлежат автору. Утраченные слова и части слов исторических источников, восстанавливаемые по смыслу, приводятся нами в квадратных скобках. Сохранены стилистические и специфические особенности произведения. Кроме того, в текстуальных примечаниях составителем дается перевод с французского и латинского языка отдельных слов и фраз, который отсутствовал в оригинале первого издания. Издание дополнено рядом приложений документальных материалов.

Сегодня с высоты 90-летнего «юбилея» свершения Февральской революции многие из нас невольно сопоставляют события нашего времени «великих перемен», в чем-то поразительно похожих, с той далекой эпохой. Это неудивительно, т. к. мы являемся очевидцами многих исторических уроков, которые уже проходила многострадальная наша отчизна. Читателю разобраться в этом спектре калейдоскопа событий, несомненно, позволит в какой-то степени данная публикация. Стоит также подчеркнуть, что высказанному когда-то известному мнению одного из прежних «великих и мудрых мира» сего, что «история учит, что она ничему не учит», можно противопоставить народную мудрость, что только нерадивым ученикам «урок не впрок».

Время, а особенно человеческая жизнь, быстротечны, и относительно скоро в нашей стране будет отмечаться 100-летний юбилей свершения Февральской революции. Задумаемся, в какой стране мы будем жить к тому времени?! Некоторые из наших соотечественников застали времена крушения царского самодержавия, пережили жестокие репрессии тоталитарного режима и трагедию распада Советского Союза, времена, когда события начала XX столетия уже в конце его вновь отразились как в зеркале, почти с такими же не менее ущербными

последствиями для нашего отечества. Мировая держава рухнула в очередной раз, но, слава богу, коллективный народный разум в этот раз уберег россиян от нового кровопролития гражданской войны. Однако, как в первые годы советской власти, когда трудовой люд долго восстанавливал хозяйство страны, имея за ориентиры достижения Российской империи в 1913 г., так и теперь многие из старшего поколения наших соотечественников вспоминают с ностальгией об относительно благополучной для большинства жизни в Советском Союзе. При каждой смене государственного строя в нашей державе за последний век, к сожалению, начиналось обычно с пения «Марсельезы» или «Интернационала», т. е. со знаменитых и беспощадных призывов: «до основания мы разрушим». Крушили основательно, вместо того чтобы строить справедливое общество от уже достигнутых позитивных результатов. Часто вожди оказывались только временщиками, а благие намерения выливались лишь в «тернистый путь» лишений и новых несчастий для простого народа. Все те же пресловутые «грабли», на которые неоднократно наступала Россия, кажется, вновь маячат на нашем пути. Стоит ли на них наступать еще раз?! История отечества, по нашему твердому убеждению, должна быть лишь связующим звеном между прошлым и будущим. Она должна являться только усвоенным уроком для взвешенных выводов и правильных действий, для общего блага страны и каждого простого гражданина, а не служить лишь для оправдания тех или иных поступков оказавшихся часто случайных лиц у руля государства, которое когда-то занимало $\frac{1}{6}$ часть земного шара. Попробуем связать и проследить историческую нить времен, которую неоднократно пытались оборвать и начать сначала, но на свой лад временщики России. Хочется надеяться в скорое возрождение былого могущества нашей державы, благополучие и лучшую долю простого народа.

Братья Гурко в истории России. Жизненный путь генерала Василия Иосифовича Гурко (1864–1937)

*Я вижу, как рушатся царские троны,
Когда их сметает людской ураган,
Республику сделает хуже короны
И белых и красных жестокий обман.
Из «Центурий» Нострадамуса*

Братья Гурко происходили из рода, оставившего заметный след в военной истории России. Дед их в 1840-е гг. командовал Кавказской линией. Мать – Мария Андреевна Гурко (1842–1906) – урожденная графиня Салиас де Турнемир, дочь графа Андре Генри Салиас де Турнемир и Елизаветы Васильевны Сухово-Кобылиной, известной писательницы (Евгении Тур). В 1862 г. Мария Андреевна вышла замуж за полковника Иосифа Владимировича Гурко и в дальнейшем занималась воспитанием детей, пока супруг участвовал в многочисленных военных кампаниях и поднимался по ступеням карьеры гвардейского офицера. Он достиг значительных высот и стал героем России. Генерал-фельдмаршал Иосиф Владимирович Гурко (1828–1901) был одним из главных авторов победы России в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., командовал передовым отрядом русских войск, одержал верх в ряде блестящих батальи над турками, лично руководил боями под Горным Дубняком и Телишем, снял осаду с Шипки, совершил переход через Балканы. Кавалер ордена Св. Георгия 3-й и 2-й степеней. Впоследствии он временный Петербургский генерал-губернатор (апрель 1879 – февраль 1880), генерал-губернатор Одессы (1882–1883), Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа (1883–1894). Член Государственного Совета с 1886 г.

В семье генерал-фельдмаршала И.В. Гурко родилось шесть сыновей: Владимир (1862–1927), Василий (1864–1937), Евгений (1866–1891), Дмитрий (1872–1945), Николай (1874–1898) и Алексей (1880–1889). Большинство из них унаследовали традиционную для семьи профессию военного.

У генерала Василия Иосифовича Гурко к началу Первой мировой войны из пяти братьев по разным причинам в живых осталось только двое.

Старший брат, Владимир Иосифович (1862–1927) – действительный статский советник, камергер императорского двора. Он заведовал земским отделом МВД, был товарищем министра внутренних дел с 1906 г. в министерстве П.А. Столыпина (уволен по обвинению в финансовых махинациях, так называемое «дело Лидваля»). Поводом для увольнения послужило то, что В.И. Гурко заключил с предпринимателем Э.П. Лидвалем договор о поставке хлеба в голодающие губернии, выдав ему 800 тыс. руб. Поставки же были исполнены лишь в небольшой части, не покрывавшей выданного аванса. Суд в октябре 1907 г. приговорил Гурко к отстранению от государственной службы на три года за превышение власти и неосторожность. Известный государственный деятель С.Ю. Витте заметил по этому поводу: «Если бы это был не Гурко, а кто-нибудь другой, то наказание было бы гораздо более строгим». Общественность была убеждена: Сенат замял дело^[6]. Однако Владимир Гурко сумел через некоторое время продолжить карьеру, но на политическом поприще. В 1909–1910 гг. он управляющий делами Постоянного Совета объединенного дворянства. Вскоре Владимир Гурко стал членом Государственного Совета по выборам от тверского земства (с 1912 г.), являлся одним из виднейших ораторов верхней палаты российского парламента и лидером кружка внепартийного объединения. Он один из инициаторов создания и организаторов деятельности оппозиционного «Прогрессивного блока». В самом начале Февральской революции ходили упорные слухи о смене ненавистного всем министра внутренних дел А.Д. Протопопова членом Государствен-

ного Совета В.И. Гурко^[7]. Однако слухи в действительности не подтвердились. После свершения бурных революций 1917 г. он активный участник Гражданской войны в России, один из руководителей «Правого центра». Способствовал организации в Москве в 1918 г. офицерской группы по спасению царской семьи в Екатеринбурге под руководством капитана Павла Петровича Булыгина. В середине 1918 г. был одним из руководителей «Национального центра» – монархической организации в Москве, тесно связанной с немецким послом графом Мирбахом. В Киеве Владимир Иосифович Гурко устанавливает контакт с «Советом национального объединения России» и безуспешно пытается добиться тесного сотрудничества между атаманом Войска Донского П.Н. Красновым, придерживающимся германской ориентации, и Добровольческой армией генералов М.В. Алексева, Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина, хранящей верность союзникам по Антанте. Позднее Владимир Гурко тесно сотрудничал с руководством Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). Он лично предпринимал меры для установления деловых связей с Англией и Францией по оказанию военной помощи белым армиям в России с целью свержения режима большевиков. В частности, бывший член Государственного Совета Владимир Иосифович Гурко делился воспоминаниями об этом периоде: «Я не упомянул, говоря о приезде в Одессу генерала Ballard, что он, придавая особое значение (очевидно оттого, что в Яссах выразителем мнений делегации случайно пришлось быть мне) моей поездке на Запад и желая облегчить мой проезд во Францию, трудный уже по одному отсутствию сколько-нибудь налаженных морских сообщений, отправился на своем миноносце в Ялту и привез оттуда письмо императрицы Марии Федоровны к ее сестре, вдовствующей королеве английской – Александре. Снабдил он меня, кроме того, чем-то вроде открытого листа к английским военным властям, в котором, изобразив меня посланцем императрицы, просил об оказании мне всяческого содействия для проезда в Англию»^[8]. После деловой поездки в Европу он опять вернулся в Россию. При крушении белогвардейского движения эвакуировался в Турцию. Позднее эмигрировал во Францию, продолжал активную деятельность против режима большевиков, являлся членом Парламентского комитета, претендовавшего на роль «всеэмигрантского правительства». Владимир Иосифович скончался в Париже 18 февраля 1927 г. в возрасте 65 лет.

«Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу, 1917–1918» (Архив русской революции. Т. 15. Берлин, 1924), «Царь и царица» (Париж, 1927), «Черты и силуэты прошлого» (Стенфорд, 1939; М., 2000).

Младший брат, Дмитрий Иосифович (1872–1945), как и отец, избрал военную карьеру. Образование получил в Пажеском корпусе (1893) и Николаевской академии Генштаба (1900). Выпущен был в лейб-гвардии Уланский Его Величества полк. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, кавалер золотого оружия и ордена Св. Георгия 4-й ст. Командир 18-го гусарского Нежинского полка (1914–1915). Дослужился до чина генерал-майора (1915). Исполнял должность начальника штаба 14-го армейского корпуса. После Февральской революции был командующим 16-й кавалерийской дивизией. Получил очередной чин генерал-лейтенанта. В Гражданскую войну находился на Северо-Западе России, поддерживал генерала П.Р. Бермонт-Авалова, действовавшего на территории Латвии и командовавшего Западной армией, ездил от его имени в штаб ВСЮР к А.И. Деникину. В 1920 г. эвакуировался из Одессы и покинул Россию. В эмиграции во Франции – товарищ председателя, затем председатель Объединения лейб-гвардии Уланского Его Величества полка, с 1937 г. в Брюсселе (Бельгия). Умер 19 августа 1945 г. в Париже в возрасте 73 лет.

Перейдем теперь к краткому изложению жизненного пути генерала Василия Иосифовича Гурко (1864–1937), чтобы лучше понять как его самого, ту эпоху, в которой он жил, так и опубликованный его старшим братом, очевидно, их совместный труд «Царь и царица» (Париж, 1927). Вероятно, всякий из нас согласится с мнением, что индивидуальность каждого человека невозможно разглядеть и понять лишь по послужным спискам. Наша главная задача: выяснить

и показать политические позиции, жизненные принципы и отношение к происходившим событиям генерала В.И. Гурко. В изложении очерка будем стараться максимально придерживаться объективных исторических источников и документальных фактов, представляя делать выводы самим читателям, ибо народная мудрость гласит: «Сколько человек, столько мнений».

Пристально всмотримся в черты коллективного портрета представителей «сильных мира сего» той далекой эпохи, чтобы лучше понять как их самих, так и ход исторических событий во всем их тесном переплетении и многообразии. До сих пор, почти век спустя, о династии Романовых можно встретить взаимоисключающие отзывы и характеристики. Архивные документы дают возможность развеять устоявшиеся мифы, относительно семьи императора Николая II и восстановить фактографическую достоверность событий. Сегодня общепризнано, что в истории России XX века есть еще множество «белых пятен», которые только теперь начинают исчезать. Последние дневники царской четы, переписка, воспоминания и другие источники позволяют взглянуть по-другому на многие факты. Попробуем восстановить картину обстановки в державе, которую пытается анализировать в своем труде член Государственного Совета В.И. Гурко, и выяснить позиции главных политических сил к началу 1917 г., т. е. переломному рубежу истории Российской империи. Тем более это важно сделать в наше время, 90 лет спустя после свершения Февральской революции, положившей начало глобальным переменам в нашей стране, и когда мы опять в конце XX и начале XXI столетий оказались во многом в схожей ситуации.

Василий Иосифович Гурко (Ромейко-Гурко) родился 8 мая 1864 г., потомственный дворянин, уроженец Петербургской губернии. Образование получил в Ришельевской гимназии (Одесса), Пажеском корпусе (1885) и Николаевской академии Генерального штаба (1892). Выпущен он был в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. С 26 ноября 1892 г. старший адъютант штаба 8-й пехотной дивизии, с 4 июня 1893 г. обер-офицер для поручений при штабе Варшавского военного округа. В 1893–1894 гг. командовал эскадроном лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. С 20 сентября 1894 г. штаб-офицер для особых поручений при помощнике командующего войсками Варшавского военного округа. С 9 сентября 1896 г. штаб-офицер для поручений при командующем войсками того же военного округа. Во время Англо-бурской войны 1899–1900 гг. он состоял российским агентом (атташе) при войсках буров, где, кстати сказать, впервые познакомился с А.И. Гучковым, который позднее оказал значительное влияние на его судьбу.

Василий Иосифович относился к числу поклонников, поразивших воображение многих современников поступка А.И. Гучкова, который вместе с братом Федором явились в Южную Африку в качестве волонтеров для участия в войне на стороне буров против англичан. В этой военной кампании Александр Иванович проявил храбрость, граничившую порой с безрассудством. В течение нескольких месяцев он принимал участие в боевых действиях, попал в плен к англичанам, был ранен в ногу. В результате ранения он стал прихрамывать, но возвратился на родину в ореоле славы. Однако о дальнейшей бурной деятельности А.И. Гучкова в России расскажем позднее, а сейчас вернемся к биографии нашего героя.

Василий Гурко с 11 декабря 1900 г. младший делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета Главного штаба, с 6 апреля 1901 г. военный агент (атташе) в Берлине. С 24 ноября 1901 г. состоял в распоряжении начальника Главного штаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг.: штаб-офицер для поручений при Управлении генерал-квартирмейстера штаба Маньчжурской армии. Кавалер золотого оружия. На Русско-японской войне рядом с Василием Иосифовичем Гурко оказались многие в недалеком будущем известные военачальники, которые отличились уже на фронтах Первой мировой войны. В их числе был знаменитый генерал А.И. Деникин (1872–1947), оставивший потомкам интересные мемуары, освещающие в том числе события конца 1904 г. в Русско-японской войне и упоминающие о В.И. Гурко: «Ввиду значительного усиления отряда ген. Ренненкамппа 18 декабря [1904 г.] последовал

приказ о формировании для него штаба корпуса. Начальником штаба был назначен полковник Василий Гурко, я же сохранил должность начальника штаба Забайкальской казачьей дивизии...»^[9] В конце 1904 г. В.И. Гурко получил очередное воинское звание генерал-майора. С 25 марта 1905 г. он командир 2-й бригады Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии. С 20 апреля 1906 г. командир 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии. С 3 октября 1906 г. по 12 марта 1911 г. – председатель Военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны.

В 1908–1910 гг. В.И. Гурко активно сотрудничал с тогдашним председателем думской Комиссии по государственной обороне, лидером партии октябристов А.И. Гучковым. На этом моменте следует остановиться подробнее. В 1908 г. со стороны Государственной Думы усиливается внимание к армии, к ее бедственному положению после поражения в Русско-японской войне. Прежде всего, Дума добилась права обсуждать ассигнования на оборону более конкретно, чем это делалось ранее. Для реализации этого права необходимы были эксперты и специалисты в военной области. В мемуарах генерала А.И. Деникина по этому поводу говорится:

«С 1908 года интересы армии нашли весьма внимательное отношение со стороны Государственных Дум 3-го и 4-го созыва, вернее, их национального сектора. По русским основным законам вся жизнедеятельность армии и флота направлялась верховной властью, а Думе предоставлено было рассмотрение таких законопроектов, которые требовали новых ассигнований. Военное и морское министерства ревниво оберегали от любознательности Думы сущность вносимых законодательных предположений. На этой почве началась борьба, в результате которой Дума, образовав “Комиссию по государственной обороне”, добилась права обсуждать по существу, “осведомившись через специалистов”, такие, например, важные дела, как многомиллионные ассигнования на постройку флота и реорганизацию армии.

“Осведомление” шло двумя путями: при посредстве официальных докладчиков военного и морского ведомства, которые давали комиссии лишь формальные сведения, опасаясь, что излишняя откровенность, став известной левому сектору Государственной Думы, может повредить делу обороны, и путем частным. По инициативе А.И. Гучкова и ген. Василия Гурко, под председательством последнего, образовался военный кружок из ряда лиц, занимавших ответственные должности по военному ведомству, который вошел в контакт с умеренными представителями Комиссии по государственной обороне. Многие участники кружка, как ген. Гурко, полковники Лукомский, Данилов и другие, играли впоследствии большую роль в Первой мировой войне. Все эти лица не имели никаких политических целей, хотя за ними и утвердилась шутильная кличка – “младотурок”. На совместных с членами Думы частных собраниях обсуждались широко и откровенно вопросы военного строительства, подлежавшие внесению на рассмотрение Думы. Военные министры Редигер и потом Сухомлинов знали об этих собраниях и им не препятствовали. Так шла совместная работа года два, пока в самом военном кружке не образовался раскол на почве резкой и обоснованной критики частным собранием некоторых, внесенных уже в Думу, без предварительного обсуждения в нем, законопроектов. Об этом узнал Сухомлинов и встревожился. Лукомский и трое других участников вышли из состава кружка. “Мы не могли, – писал мне впоследствии Лукомский, – добиваться, чтобы Дума отвергла законопроекты, скрепленные нашими подписями”. В отношении других, более “строптивных” “младотурок”, в том числе и самого Гурко, Сухомлинов, после доклада Государю, принял меры к “распылению этого сопратительства”, как он выражался, предоставив им соответственные должности вне Петербурга»^[10].

Однако военный министр генерал В.А. Сухомлинов в своих позднее опубликованных в эмиграции воспоминаниях трактовал эти события на свой лад:

«Гучков ополчился против меня еще в 1910 г. после того, как убедился в несходстве наших с ним взглядов на назначение военной силы в стране.

Я находил, что солдат, от рядового до генерала, должен быть чужд всякой политике, так как назначение вооруженных сил государства – отстаивать и охранять внутреннее и внешнее благополучие страны, оберегая честь и достоинство родины и поддерживая мировое взаимоотношение государств между собою; поддерживая одновременно с сим порядок мирной жизни и труда населения, – войска являются силою, на которой зиждится данный строй государства.

Будучи членом Государственной Думы, А.И. Гучков, как лидер определенной политической группы, с своей партийной точки зрения желая быть в курсе дел военного ведомства, с целью привлечь армию на свою сторону и в интересах захвата власти и судьбы России, приложил все усилия к тому, чтобы, пользуясь своей ролью в Государственной Думе, расширить, в целях наибольшей осведомленности, круг знакомства в среде Генерального штаба, из числа лиц, служащих в управлениях военного министерства; всему этому, из понятных каждому побуждений охраны военных секретов, – я сочувствовать не мог, но мне трудно было бороться с этим, при существовавших более чем дружеских отношениях его с генералом Поливановым.

Так как я не скрывал от своих сослуживцев отрицательного моего отношения к Гучкову и даже некоторых из них, попавших в цепкие его объятия, предупреждал от увлечения идейностью Гучкова, то естественным был тот поход, который предпринял Гучков против меня и в Думе и в прессе»^[11].

Любопытно отметить, что эти события позднее, т. е. после Февральской революции, а именно 2 августа 1917 г. были предметом рассмотрения Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства, где А.И. Гучков подробно поведал: «С Поливановым меня связывает общая работа в 3-й Государственной Думе. Мы его застали в качестве товарища министра, с ним работа в комиссии по государственной обороне была особенно тесно сплетена. Первый министр, с которым приходилось иметь дело, ген. Редигер, и его помощник, ген. Сухомлинов, появлялись в комиссии государственной обороны и в Думе редко; т. е. Редигер появлялся редко, а Сухомлинов и совсем не появлялся, и поэтому вся общая работа связывала комиссию обороны и Думы именно с Поливановым. Поливанов ценился очень высоко в наших кругах, как человек очень умный, очень знающий, весьма работоспособный и чрезвычайно добросовестный. Мы привыкли уважать его мнение, и не потому, что оно всегда было обставлено обильным материалом, но потому, что оно всегда было искреннее. Мы привыкли к тому, что когда Поливанов на чем-нибудь настаивает, это действительно нужда, которая является чрезвычайно острой, а по другим его объяснениям мы привыкли понимать, что тот или другой вопрос не так уж настоятелен. Так что он нас не обманывал и не скрывал ничего от нас в официальных заседаниях комиссии и Думы. Затем мы ценили его еще и потому, что работа наша в 3-й Думе поддерживалась, между прочим, некоторым кружком, который мы составили сами и в который входило несколько членов Государственной Думы, работавших в комиссии обороны, и несколько молодых генералов и офицеров Генерального штаба, с генералом Гурко во главе. Кружок этот являлся первоначальной лабораторией, где разрабатывались и обсуждались различные вопросы, которые потом шли в комиссию обороны и Думы. Многие вопросы, поднятые по инициативе Думы, возникали впервые в этом кружке. Кружок Генерального штаба был занят составлением истории русско-японской войны; все это люди, которые практически проделали эту войну, теоретически изучали ее материалы. Это был кружок талантливых генералов и офицеров, во главе которых стоял генерал Гурко. В этот кружок мы иногда приглашали генерала Поливанова, который в частной беседе давал нам возможность ознакомиться с другими сторонами дела и с тем материалом, который, может быть, в официальном обсуждении до нас не дошел бы, так что в нем мы видели полное желание осветить нам все закоулки военного ведомства. Разумеется, Поливанов, как и все мы, относился отрицательно к деятельности военного министра Сухомлинова, но он, как честный служака, против своего шефа никакого похода не вел. Когда же я, убедившись в том, что препятствием к разрешению военного дела является личность Сухомлинова, повел против него поход, и поход этот вылился в той бурной

форме, из которой образовалась так называемая мясоедовская история, Сухомлинов заподозрил Поливанова: выходило так, будто Поливанов мне в походе помогает. А так как он со мной расправиться не мог, то и расправился с Поливановым, донес на него Государю, что, дескать, интригует, а главным образом политически окрашен в младотуреческий цвет. Поливанов был внезапно уволен и оставался не у дел, в тени, кажется, членом Государственного Совета»^[12].

В опубликованных уже в советские времена дневниках А.А. Поливанова также имеются сведения об этой истории, читаем его запись от 8 декабря 1907 г.: «К 8^{1/2} час. веч. приехал к военному министру дабы участвовать в беседе с делегацией из 12 человек Комиссии по обороне Государственной Думы. Между прибывшими были: Гучков, Звегинцев, Хвоцинский, Крупенский, Безак, гр. Бобринский, Балашев, Плевако, кн. Шервашидзе, кн. Шаховской. Потом перешли в кабинет, где военный министр изложил им программу Министерства, сначала по личному составу, потом по материальной части. Я доложил о тех расходах (2.133 мил.), которые были исчислены для нужд армии; Гучков просил меня назвать главные статьи расходов»^[13].

Заметим, что по утверждению генерала В.И. Гурко инициатором создания этой группы офицеров был член Комиссии по государственной обороне III Государственной Думы А.И. Звегинцев, близкий к А.И. Гучкову. В любом случае Гучков предложил генералу Гурко собрать группу офицеров для обсуждения военных реформ, которая должна была поднять уровень тех проектов, которые рассматривала комиссия. В качестве условия своего согласия Василий Иосифович поставил разрешение подобной деятельности со стороны военного министра А.Ф. Редигера и начальника Генерального штаба Ф.Ф. Палицына. Участник этих совещаний А.С. Лукомский позднее в своих воспоминаниях по этому поводу писал следующее: «В конце 1908 года, с разрешения военного министра Редигера, подтвержденного новым военным министром генералом Сухомлиновым, генерал В.И. Гурко, на своей частной квартире, собирал представителей различных отделов военного министерства – с целью знакомить лидеров различных партий Государственной Думы и желающих членов комиссии обороны Государственной Думы с различными вопросами, их интересовавшими, и более детально и подробно разъяснять причины необходимости проведения тех или иных законопроектов. Члены Государственной Думы на эти собеседования приглашались персонально председателем комиссии обороны Государственной Думы. На этих собеседованиях сообщались такие секретные данные, которые считалось невозможным оглашать не только в общем собрании Государственной Думы, но даже и на заседаниях комиссии обороны. Это общение и даваемые разъяснения в значительной степени облегчали проведение различных законопроектов»^[14].

В круг офицеров, привлеченных к работе, входило в разное время от 10 до 12 человек, среди них был и М.В. Алексеев, занимавший тогда должность 2-го генерал-квартирмейстера в Главном управлении Генерального штаба^[15]. Сам А.И. Гучков позднее свидетельствовал об этих собраниях: «Видя во мне человека, желающего восстановить нашу военную мощь после этого ослабления, созданного японской войной, они, в очень, правда, дискретной форме, помогали мне ориентироваться в военных вопросах, указывая главные потребности. Они не были в числе главных моих осведомителей, они мне язвы военного ведомства не раскрывали, а просто давали те или другие советы. Вот откуда это началось»^[16].

Следует отметить, что генерал В.И. Гурко пользовался некоторой популярностью и в рядах правого политического лагеря, к которому принадлежал искушенный царедворец генерал П.Г. Курлов, возглавлявший в 1907 г. Департамент полиции, а позднее был помощником или, как тогда называли, товарищем министра внутренних дел. Он, в частности, объяснял в своих воспоминаниях своеобразие характера и позиций генерала В.И. Гурко: «С ним я познакомился еще в 1907 году, когда он заканчивал в Петербурге работы, связанные с Японской войной. Вас. И. Гурко поражал меня быстротой ума с твердостью своего характера, так что я просил П.А. Столыпина разрешить мне предложить ему должность начальника штаба отдель-

ного корпуса жандармов, ввиду предполагавшегося тогда ухода занимавшего этот пост генерала Гершельмана, но, к сожалению, встретил категорический отказ министра. Генерал Вас. И. Гурко состоял в довольно близких отношениях с А.И. Гучковым, а, следовательно, занимая перед революцией должность начальника штаба Верховного главнокомандующего, осложнял борьбу, которую приходилось в то время правительству вести с Гучковым, как с вдохновителем Военно-промышленного комитета и его рабочей группы, ставшей определенно на явно революционную почву. Я думаю, что такое направление генерала Вас. И. Гурко не было ему свойственно, – это он и доказал письмом к Государю Императору после революции, за что и был заключен “освободителями” в Петропавловскую крепость, и что такое временное уклонение в сторону оппозиции – вина П.А. Столыпина. Брат генерала Гурко – Владимир Иосифович, бывший товарищем министра внутренних дел, являлся одной из самых крупных фигур бюрократии, выдающегося ума, непреклонного характера и крайне монархического направления, – и мог бы сыграть очень серьезную роль, если бы остался в рядах правительства. Предание его суду по делу Лидваля не могло не вызвать в нем обиды и даже озлобления, несмотря на то, что клевета и грязь по обвинению его в корыстных побуждениях на суде были всецело опровергнуты и Влад. И. Гурко – убежденный монархист – был избран Тверским земством в члены Государственного Совета. В открытую оппозицию правительству он не стал, но не был в силах отрешиться от известных на него нападков. Оскорбление, нанесенное этим процессом семье Гурко, справедливо гордившейся службой их отца, героя Турецкой войны и фельдмаршала, не прошло бесследно и для генерала Вас. И. Гурко, в чем, по моему мнению, и надо искать причины его уклонения влево перед самой революцией»^[17].

Другие современники тех событий, в том числе В.Н. Коковцов, отмечали, что Владимир Иосифович Гурко на службе в МВД проявлял задатки недюжинного парламентского бойца, по существу – готового премьера, вызвала, очевидно, ревность П.А. Столыпина, который поспешил под первым удобным предлогом отделаться от слишком яркого и самостоятельного «товарища», т. е. своего помощника. В результате судебного скандала Владимир Гурко принужден был оставить министерство.

Отставка товарища министра В.И. Гурко вызвала многочисленные толки в столичных салонах аристократов. Так, влиятельная генеральша А.Г. Богданович 16 ноября 1906 г. пометила в дневнике: «Все газеты травят Гурко, который упорно молчит, не защищается. Если все это верно, то положение его безвыходное. Мнение всех, кто знает Гурко, что этот человек всегда сумеет выскочить из всякого положения – ужасный нахал»^[18]. Однако год спустя она меняет свое мнение. Так, например, А.Г. Богданович 26 октября 1907 г. записала в своем дневнике: «Насчет Гурко многие говорят, что он слишком строго наказан – отрешен от должности и 3 года не имеет права вступить ни на какую службу»^[19]. Через день, т. е. 28 октября, еще одна запись: «Сегодня самарский предводитель Наумов сказал, что вчера многие предводители ездили к Гурко расписаться, – находят, что слишком строг вынесенный ему приговор. Стишинский убежденно говорил, что признает Столыпина двуличным, что он ведет ту же политику, которую вел Витте, но он менее талантлив, чем Витте. Говорит, что Столыпин предал Гурко суду из зависти, так как в нем видел опасного соперника в Думе, куда пришлось бы ехать и говорить там Гурко, который бы затмил своими речами его, Столыпина. Что Столыпин кадет, в этом Стишинский не сомневался. Каких людей он удалил за бытность свою теперь премьером – его, Стишинского, Ширинского-Шихматова, Гурко и Шванебаха – все это люди с ярко известным всем направлением. По мнению Стишинского, следовало сделать Гурко выговор, но не признавать его виновным. Сказал он, что все сословные представители высказывались именно за выговор, а это осуждение – прямо дело рук Столыпина»^[20].

Многие сторонники Владимира Гурко считали, что он стал жертвой своих консервативных, истинно монархических политических убеждений. Спустя всего несколько месяцев после

приговора суда император Николай II помиловал его и назначил в 1910 г. камергером Высочайшего двора.

Позднее, находясь в эмиграции, бывший член Государственного Совета Владимир Иосифович Гурко констатировал в своих мемуарах: «Я смотрел на события из окошка этого ведомства (МВД. – В.Х.), смотрел, следовательно, несомненно односторонне и вовсе не намерен этого скрывать. Мои беглые заметки, представляющие краткую хронику времени, непосредственно предшествовавшего и сопутствовавшего встряске, испытанной Русским государством в царствование Николая II, хронику, иллюстрированную некоторыми личными воспоминаниями, если и имеют какую-либо цену в смысле сырого исторического материала, то лишь как освещение этих событий с точки зрения чиновника, в течение почти всей своей государственной службы убежденного, что Россия, русский народ не доросли еще до самоуправления, а ее интеллигентские слои представляли не творческие, а разрушительные элементы. Увы, со временем я убедился, что, с другой стороны, жизнь народа, предъявляемые ею разнообразнейшие требования переросли силы бюрократии, переросли и форму государственного управления. Удержаться эта форма вообще не могла, так как перестала соответствовать психике интеллигентных слоев населения – этого, как ни на есть, основного фактора народной жизни. В этом, на мой взгляд, и заключалась в то время трагедия русской государственной власти»^[21].

Однако мы вернемся к изложению хронологии и последовательности событий. По некоторым сведениям, которые встречаются в исторической литературе, генерал В.И. Гурко являлся членом масонской «Военной ложи». Тема эта малоисследованна, и на первых порах большинство работ ограничивалось разработкой причин революции, т. е. так называемой версии «жидо-масонского заговора». Историк Борис Иванович Николаевский (1887–1966) подчеркивал: «Но для изучения вопроса о русском масонстве по существу вся эта литература не только ничего не дает, но и определенно играет роль затемняющего фактора: имеющиеся в ней крупницы правды так безнадежно тонут в огромной массе злостной лжи и бредовых измышлений столь специфического характера, что вся она в целом только отталкивает беспристрастного читателя, вызывая у него, в качестве первой и более чем естественной реакции, желание как можно дальше отойти от этой темы, вокруг которой переплелись так много нечистых и нечестных интересов»^[22]. Далее перечисляя трудности для ученых изучения темы, он отмечает особенности масонских организаций: «Это исключительное отсутствие материалов объясняется абсолютной конспирированностью масонской организации в России. ...Масонская организация не только конспирировала все без исключения стороны своей деятельности, но и облекала тайною факт своего существования. Мне неизвестно ни одного случая, когда эта организация как таковая выступила более или менее публично перед внешним миром с заявлением о своем существовании и о своих задачах: ни одного случая, когда кто-либо из ее членов публично же признал факт своей принадлежности к ней»^[23].

Одной из первых к этой теме обратилась Нина Николаевна Берберова (1901–1993). В частности, она указывала, что в петербургскую «Военную ложу» в этот период «входили А.И. Гучков, ген. Вас. Гурко, Половцев и еще человек десять – высоких чинов русских военных»^[24].

Другое подтверждение мы находим в исследовании генерала Н.А. Степанова «Работа Военной ложи», которое в какой-то степени проливает свет на неизвестные стороны деятельности Василия Иосифовича Гурко. В работе указывалось следующее:

«Началось с приглашения, разрешенного военным министром генералом Редигером, офицеров в Государственную Думу, в качестве специалистов по техническим вопросам военных кредитов. Но вскоре брат¹ А.И. Гучков негласно образовал постоянный кружок для обмена мнениями по военным текущим вопросам, в состав которого вошли члены Государственной Думы Савич Н.В., Крупенский П.Р., граф Бобринский В.А. и некоторые офицеры, преимуще-

¹ Под словом брат подразумевается член масонской ложи.

ственно генерального штаба (Н.Н. Янушкевич, А.С. Лукомский, Д.Ф. Филатьев и др.), из служащих в Главных управлениях Военного министерства, во главе с генералом Василием Иосифовичем Гурко. К этому кружку примыкали свыше генералы Поливанов А.А. и Мышлаевский А.З.

Конституционные собрания происходили сперва на квартире генерала В.И. Гурко. Особным вниманием хозяина дома пользовался Генерального штаба полковник Василий Федорович Новицкий, который в составе небольшой группы революционно настроенных офицеров издавал в 1906 году газету “Военный Голос”, закрытую после обыска и ареста членов редакции»^[25].

Н.А. Степанов прямо называет учредителями «Военной ложи» А.И. Гучкова и генерала В.И. Гурко.

Имеются любопытные, но противоречивые сведения по этому делу в опубликованных позднее эмигрантских воспоминаниях генерала В.А. Сухомлинова, бывшего военного министра царского правительства, который писал следующее:

«Когда я принял министерство², мне и в голову не приходило, что вне этого ведомства народилась еще какая-то комиссия вне ведения военного министра, состоящая из военных чинов под председательством Гучкова, при Государственной Думе. Совершенно случайно я узнал об этом; список участников, 8 или 10 человек, был вскоре у меня в руках. В нем, между прочим, значился генерал Гурко, редактор истории японской кампании, полковник барон Корф и др. чины военного ведомства.

Я доложил об этом Государю, как о факте ненормальном, и о том, что все эти чины давно уже стоят во главе списков кандидатов на различные должности, а потому просил разрешения по мере открытия вакансий всех их выпроводить из столицы. Государю этот выход очень понравился, он улыбнулся и сказал:

– Вполне одобряю – так и сделайте.

Я так и сделал: открывшаяся вакансия первой кавалерийской дивизии в Москве была предоставлена генералу Гурко...»^[26].

Относительно дальнейшей деятельности в этот период указанной выше нами масонской организации генерал Н.А. Степанов отмечал: «Одновременно собрания “Военной ложи” были взяты под надзор полиции, в военных кругах Петрограда пошли разговоры “о наших младотурках”. В правительственных кругах генерала Гурко называли “красным”. Вследствие этого работа народившихся масонских лож, в том числе и военной, замерла – ложи “заснули”. Но это не помешало существованию младотурок среди офицеров, главным образом Генерального штаба»^[27].

Утверждение генерала Н.А. Степанова, что «работа народившихся масонских лож, в том числе и военной, замерла», не вполне соответствует действительности. Масоны действовали чрезвычайно конспиративно. Известный историк Б.Н. Николаевский собрал множество тому доказательств. Так, например, он приводит любопытную запись беседы с известным масоном А.Я. Гальперном, который свидетельствовал о методах работы масонских лож: «Я сам вошел в ложу, кажется, в 1911 году. Привлекли меня Керенский и Барт, присяжный поверенный, сын Г.А. Лопатина. Во время первых разговоров речь шла о моем отношении к вопросу о желательности создания организации, которая согласовывала бы действия разных политических партий, поскольку они борются против самодержавия, и не думаю ли я, что моя принадлежность к одной из партий может явиться причиною вступления в такую организацию? Когда выяснилось мое положительное отношение к этим задачам и моя готовность вступить в такую организацию, мне поставлен был вопрос, не смутит ли меня несколько необычная форма новой организации, которая стремится к объединению людей на необычной в России основе – морального сближе-

² Имеется в виду Военное министерство, в котором в 1909 г. Сухомлинов занял пост министра.

ния. Попутно – правда, очень поверхностно – было упомянуто, что вступление в ложу связано с некоторым ритуалом, и здесь же было сделано предложение вступить в эту организацию»^[28].

Далее, описав ритуал обряда, масон А.Я. Гальперн продолжал:

«Когда с моих глаз сняли повязку, я увидел, что на собрании присутствуют: Демьянов (впоследствии товарищ министра юстиции), член Государственной Думы Виноградов, Керенский, Барт, Яков Яковлевич Брусов – петербургский архитектор, А.И. Браудо, Сергей Дмитриевич Масловский (Мстиславский), Переверзев (позднее министр юстиции), Макаров. ...

Конспирация в организации выдержана была очень последовательно и строго. Члены одной логи не знали никого из других лож. Масонского знака, по которому масоны в других странах опознают друг друга, в России не существовало. Все сношения логи с другими ячейками организации происходили через одного председателя логи – Venerabl'я. Членов логи, которые раньше состояли в различных революционных организациях, поражала выдержанность и последовательность конспирации. Позднее, когда я был секретарем Верховного Совета и знал по своему положению почти всех членов лож, мне бывало почти смешно видеть, как иногда члены разных лож меня же агитировали в духе последнего решения Верховного Совета, не догадываясь, с кем имеют дело»^[29].

Далее А.Я. Гальперн подчеркивал роль Верховного Совета масонов в России:

«Создавая новые логи, Верховный Совет пытался группировать их по роду занятий. Именно таким образом были созданы логи думская, военная, литературная. Особенно важное значение в жизни организации имела Думская ложа, руководству которой Верховный Совет уделял исключительно большое внимание. В нее входили депутаты Ефремов, Коновалов, Орлов-Давыдов, Демидов, Виноградов, Волков, Степанов, Колубакин, Некрасов, Керенский, Чхеидзе, Скобелев, Гегечкори, Чхенкели (стоял вопрос о привлечении Головани, но его кандидатура была отклонена, так как Керенский высказался против, он считал его болтуном), – кажется все. Задачи этой группы во многом аналогичны задачам Прогрессивного блока 1915–1917 гг., только с левым уклоном...

Очень характерной для настроений большинства членов организации была ненависть к трону, к монарху лично за то, что он ведет страну к гибели. Это был патриотизм в лучшем смысле слова, революционный патриотизм. Наиболее сильно это настроение выступало, конечно, в годы войны, но в основе оно имело и раньше. Конечно, такое отношение к данному монарху не могло не переходить и в отношение к монархии вообще, в результате чего в организации преобладали республиканские настроения, можно сказать, что подавляющее большинство членов были республиканцами, хотя республика и не была зафиксирована догматом организации»^[30].

Необходимо отметить, что в числе членов первых масонских организаций в России были и аристократы. Так, например, в исторической литературе говорится, что в 1907 г. в Петербурге «открылась “Полярная звезда”, председателем которой был избран посвященный в январе того же года во Франции блестящий аристократ-помещик, друг великого князя Николая Михайловича граф Алексей Орлов-Давыдов. Собирались в его особняке на Английском бульваре, он же полностью взял на себя содержание логи»^[31].

В числе масонов вскоре оказался не только великий князь Николай Михайлович, но позднее и его брат великий князь Александр Михайлович. В исторической литературе упоминается, что в 1911 г. в Петербурге в “Карме” председательствовал внук Николая I великий князь Александр Михайлович, ее членами были Беклемишев и чиновник министерства иностранных дел А.П. Веретенников»^[32]. Однако состав масонских лож не был стабильным, часто менялся, и они то сворачивали свою деятельность, то, наоборот, ее активизировали, в зависимости от ситуации.

Заметим, что уже в 1909 г. только в Петербурге функционировали три масонских организации: «Полярная Звезда», «Феникс» и «Военная ложа», которые сыграли определенную

роль в подготовке Февральской революции и куда входили многие видные общественные деятели России. Однако об этом расскажем позднее, а сейчас проследим за дальнейшей военной карьерой Василия Иосифовича Гурко.

Он получил очередной чин генерал-лейтенанта от кавалерии в 1910 г. С 12 марта 1911 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии. В момент вступления в должность Гурко дивизия стояла недалеко от Москвы. В состав дивизии входил 1-й Донской казачий полк, знакомство с которым генерала В.И. Гурко состоялось, со слов сотника Крюкова, в достаточно курьезной обстановке:

«Вдруг вижу, по шоссе полным ходом несется автомобиль и так весь и содрогается, так и подпрыгивает на ходу, при ударах на ухабинах. Кто это, думаю, сломя голову так несется? Того и гляди, автомобиль перевернется, да шею ездокам свернет. И только я это успел подумать, как автомобиль вдруг скользнул вбок, блеснул лакированной крышкой и, с размаху врезавшись в канаву, перевернулся, вертя колесами в воздухе... Седоки полетели вверх тормашками. У меня сердце упало. Ну, думаю, капут обоим... Только вижу, седок, описав сальто-мортале в воздухе, вместо того, чтоб упасть, ловко этак, как мячик, пружинисто присел на ноги и тотчас же вскочив, побежал к неподвижно лежащему на снегу шоферу и поднял его. Потом шофер, хромя, поддерживаемый седоком, полез к автомобилю, а седок направился ко мне. Вижу, – генерал, маленький такой, сухонький, из себя не то так видный, а ловкий, собранный, хорошей тренировки; лицо вострое, резкое, бритое, мужественное, с широким лбом и выпуклыми чертами, точно отлитое из бронзы. Взор властный, орлиный, так и впивается начальственным оком из-под густых, суровых, нависших бровей. На голове фуражка этак набекрень, а волосы, как воронье крыло, назад гладко зачесаны на висках. Пальтишко легкое, летнее, не боится, зная, зимы, сидит на нем как влитое, в обтяжку, и если бы не генеральские алые отвороты, так сказал бы, что молоденький корнет, уж больно ловко и щегольски он его носит... Генерал потребовал коня и тут же с места стал объезжать полки и наблюдать их учение. ... А шофера-то пришлось отправить в госпиталь. Бедняга весь расшибся. Оно, может быть, и Гурко-то расшибся, да виду не подал, провел все учение и вместе с нами вернулся домой»^[33].

С этой кавалерийской дивизией генерал В.И. Гурко вступил в Первую мировую войну и действовал в Восточной Пруссии в составе знаменитой 1-й армии генерала П.К. Ренненкампа. Во время Восточно-Прусской операции находился в числе войск, направленных в поддержку 2-й армии генерала А.В. Самсонова. 18 августа 1914 г. Гурко занял Алленштейн (в районе Танненберга).

Однако вскоре военная удача отвернулась от русских войск, и они подверглись тяжким испытаниям. В рукописных воспоминаниях казачьего начальника В.А. Замбрицкого отмечались за этот период кровопролитные бои дивизии В.И. Гурко:

«Да, подошли к нам минуты испытаний... Это было тогда, когда немцы только что разгромили Самсонова под Сольдау, а затем обрушились на зарвавшуюся вперед армию Ренненкампа, грозя отрезать ее с тыла. Наша дивизия прикрывала его левый фланг, и нам пришлось выдержать всю силу удара обходных корпусов, предназначавшихся Ренненкампу, и не будь Гурко, прямо скажу, несдобровать бы всей первой нашей армии... А положение было не то, что скверное, – отчаянное прямо, и я не представляю себе, как мы оттуда живыми ушли! Как сейчас помню бой у села Петрашка. Навалились на нас 3 немецкие пехотные дивизии и конница, да еще с тяжелой артиллерией. А у нас что? Легкие конные пушечки, так разве ими отобьешься?... А местность то лесистая по краям, все перелески да перелески, того и гляди, обойдут немцы. Да посерединке открытое поле, и за пригорочком лежат наши казаки, а где разбросались уланы и казаки. Гвоздят немцы по бугру, и все чемоданы, все чемоданы, так и чешут, так и сносят, так и мнут. Невмоготу терпеть, нет никакой мочи, ну просто не выдерживает сердце. Пригнулись мы, в землю вросли, про себя молитву “Живый в помощи Всевышнего” читаем. Тянет сползти с проклятого бугра, уйти куда-нибудь, и бежать, бежать без оглядки назад из этого сплошного

ада. А не смеем! Мы-то лежим, а он, Гурко, т. е. стоит во весь рост на этом бугру и хоть бы что! Точно не по нему-то быют, точно не вокруг него столбом рвутся и воют снаряды, точно не смерть витает, не убитые и раненые валяются и корчатся, а сладкая музыка играет, и ангелы песни поют. Стоит это он себе, по своей привычке стеком по носку сапога хлоп-хлоп, и нет-нет парой слов перекинется с адъютантом своим Арнгольдом. Далеко видать алые генеральские лампасы... Штаб весь ушел давно, Гурко его назад отослал, а сам с Арнгольдом остался. И пока стоит он здесь, на бугре, не смеем и мы уйти... А там, из-за перелесков, вдруг выносятся конная немецкая бригада из двух полков и летит на нас в атаку. Ну, пропали, думаем! Только вижу, махнул рукой Гурко нашему резерву – трем сотням. Те вмиг на коня, и марш-марш, на немца колонной поскакали... Господи ты, Боже мой, что тут было!.. А Гурко стоит все с той же легкой усмешкой, застывший в спокойной, бесстрастной позе. Затаив дыхание, глядим и мы туда, где сейчас решается судьба. Что-то будет? Вдруг видим, немецкая бригада дрогнула, замедляет ход, идет все тише, тише и сразу повернув, шарахнулась в сторону, уходит от наших казаков... Не приняла боя... Что тут было. Мы как лежали, так всю цепью сразу поднялись и с криками “ура” бросились на немцев. Гусары, уланы, драгуны, казаки – все один перед другим старались отличиться на глазах любимого начальника. Шли в атаку и пешие, и конные, не обращая никакого внимания на огонь... В этот день мы потеряли половину личного и конного состава, но удержали за собой позиции... Армия Ренненкампа была спасена»^[34].

Генерал В.И. Гурко в октябре 1914 г. за боевые заслуги был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. С 9 ноября 1914 г. он уже командир 6-го армейского корпуса. В начале ноября, после прорыва германскими войсками позиций 2-го армейского корпуса, Гурко активными действиями исправил положение и 9 (22) декабря вынудил германскую армию остановить наступление. Он 21–23 января 1915 г. по приказу генерала Н.В. Рузского провел операцию по возврату захваченного немцами фольварка Воля-Шидловская. Несмотря на возражения Гурко, не желавшего ненужной гибели войск, штаб фронта настоял на операции, в которой корпус Гурко (увеличенный до 6 дивизий) потерял около 40 тыс. человек, так и не добившись значительных успехов.

Накануне проведения этой операции, т. е. 16 января 1915 г., штаб и позиции 6-го армейского корпуса генерал-лейтенанта В.И. Гурко посетил великий князь Андрей Владимирович, который сделал следующую запись в своем дневнике:

«В 11^{1/2} часов я на моторе выехал на Гузов в штаб 6-го армейского корпуса к генералу Гурко. Поговорив немного, мы вместе поехали на позиции, где были крепостные орудия, и присутствовали при стрельбе. Разрывы были видны простым глазом. Молодой прапорщик, командир взвода, очень симпатичный и расторопный, давал отличные ответы на задаваемые вопросы, и было видно, что он вполне в курсе дела. Когда я его спросил, хорошо ли ты знаешь свои 120-пудовые 6-дм пушки, он мне с гордостью ответил: “Я – крепостник, Ваше Императорское Высочество!” Т. к. стрельба шла интенсивная и по телефону командир батареи беспрестанно давал приказания, то разговаривать долго было трудно, и мы пошли назад. Неприятель начал пристреливаться к батарее. Шрапнели рвались по сторонам, но мы благополучно вышли из сферы огня и вернулись в штаб. Батарея стреляла при мне на 3 версты 100 сажень по высоте Шидловской. Была слышна пулеметная и ружейная трескотня, и ясно видны разрывы чемоданов»^[35].

В конце мая – начале июня 1915 г. генерал Гурко провел две операции на Днестре, в ходе которых разбил два австро-венгерских корпуса и взял в плен свыше 13 тыс. солдат и офицеров, захватил 6 орудий и свыше 40 пулеметов. За эти действия он 3 ноября 1915 г. был награжден орденом Св. Георгия 3-й степени. После того как генерал П.А. Плеве получил назначение главнокомандующим армиями Северного фронта, В.И. Гурко 6 декабря 1915 г. возглавил 5-ю армию (утвержден был на этой должности 21 февраля 1916 г.).

Он часто проявлял инициативу, которую не всегда поддерживали высшие военные начальники. Так, например, штабс-капитан М.К. Лемке, служивший при Ставке верховного главнокомандующего в Могилеве, писал в своих воспоминаниях: «23 декабря 1915 г. Командующему V армией Гурко приказано держать один корпус в Режице. Он предлагает иное, хочет войти в переговоры и доносит Алексееву, что думает по этому поводу. Начальник штаба ответил: “Думаю, что выработка плана должна вестись не переговорами и соглашениями, а указаниями штаба фронта, это – его работа, соглашение с левым соседом установит мой штаб”»^[36].

Далее Лемке отмечал не очень уступчивый характер Гурко: «В виду Высочайшего смотра 29 января [1916 г.] некоторых частей V армии Плеве и Гурко успели поссориться и один на другого взвалить в телеграммах к начальнику штаба всевозможные обвинения в бестолковости и пр., конечно, не так категорически выраженные. Что же будет перед боем и после неудачного боя?»^[37]

Однако это не препятствовало В.И. Гурко успешному продвижению по служебной лестнице. В 1916 г. он получил очередное воинское звание генерала от кавалерии. Во время общей наступательной операции Северного фронта 8–12 (21–25) марта 1916 г. предпринял безуспешное наступление силами 13-го, 27-го и 28-го армейских корпусов от Якобштадта. Операция успеха не принесла, а 5-я армия потеряла около 38 тыс. человек. Справедливости ради отметим, что армия не совсем была готова к наступлению, как свидетельствует в воспоминаниях М.К. Лемке «Гурко (V армия) донес, что может начать операцию не 5-го, а только 8 марта. Алексеев доложил об этом царю с видимым неудовольствием, отметив, что, очевидно, Гурко не принял во время нужных мер... Что-то и эта операция начинается шершаво...»^[38]

Однако неудача не обескуражила Гурко, который продолжал выступать с различного рода инициативами. Так, например, в тех же воспоминаниях М.К. Лемке указывается: «После мартовской операции Гурко подал мысль, нельзя ли путем затопления и заболачивания отогнать немцев от Якобштадта и увеличить плацдарм. Крейслер исполнил это задание и залил водой реки, на которой устроил плотину, громадное пространство. Немцы должны были отойти. Затем зимой гидротехническая организация обледенила крутой берег Двины и сделала его совершенно неприступным для атаки. Все здесь пока неизвестно»^[39].

Любопытно отметить, что весной 1916 г. генерал В.И. Гурко был замечен императрицей Александрой Федоровной. Так, например, она в своем письме к супругу от 5 марта 1916 г. отмечала: «Г[енерал]-м[айор] Гурко от имени 5-й армии телеграфировал мне из Двинска, благодаря за мои поезда-склады, которые там стоят и очень помогают полкам. Мне отраднo узнать, что эти небольшие учреждения Мекка так хорошо работают»^[40].

К концу мая 1916 г. в состав 5-й армии Гурко (при начальнике штаба генерале Е.К. Миллере), развернутой в районе Якобштадта, входили 13-й, 19-й и 38-й армейские корпуса, а также 2-й Сибирский корпус. С 14 августа 1916 г. генерал В.И. Гурко уже командующий Особой армией, созданной на базе военной группы генерала В.М. Безобразова, в которую входили войска Гвардии, 1-й и 30-й армейские корпуса, а также 5-й кавалерийский корпус.

Весьма любопытна предыстория назначения на эту должность В.И. Гурко, о чем имеются сведения в мемуарах генерала А.А. Брусилова, который на тот момент был командующим Юго-Западным фронтом: «На мой фронт приехал председатель Государственной Думы Родзянко и спросил разрешения посетить фронт, именно Особую армию. Уезжая обратно, он послал мне письмо, в котором сообщал, что вся гвардия вне себя от негодования, что ее возглавляют лица, неспособные к ее управлению в такое ответственное время, что они им не верят и страшно огорчаются, что несут напрасные потери без пользы для их боевой славы и для России. Это письмо мне было на руку, я препроводил его при моем письме Алексееву, с просьбой доложить Государю, что такое положение дела больше нетерпимо и что я настоятельным образом прошу назначить в это избранное войско, хотя бы только на время войны, наилучшее начальство, уже отличившееся на войне и выказавшее свои способности. В конце концов, все вышеперечис-

ленные лица были сменены, и командующим этой армией был назначен Гурко, человек, безусловно соответствующий этому назначению, но, к сожалению, было уже поздно, да и не все смененные лица были заменены столь удачно»^[41].

Свое участие в смене высшего командования гвардейских частей на фронте не отрицал председатель Государственной Думы М.В. Родзянко, который в тот период был в Луцке и встречался с сыном Георгием. Он командовал ротой лейб-гвардейского Преображенского полка, принимал непосредственное участие в боях и свои наблюдения о трудностях на фронте поведал при свидании влиятельному отцу. В своих воспоминаниях М.В. Родзянко указывал: «Под впечатлением всего виденного и слышанного я отправил подробное письмо Брусилову, а Брусилов, прибавив к моему письму свой собственный доклад, переслал и то и другое в Ставку. В результате генерал Безобразов, его начальник граф Игнатьев, великий князь Павел Александрович и профессор Вельяминов были смещены»^[42]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Звено (Париж). 1927. № 6. С. 374.

2.

Кобылин В.С. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. СПб., 2005. С.64.

3.

Гурко В.И. Царь и царица. Париж, 1927. С. 120.

4.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000.

5.

Дневник императора Николая II (1890–1906). Берлин, 1923; Из писем царской семьи // Русская Летопись. Париж, 1921. Кн. 1; Письма Высочайших Особ к А.А. Танеевой (Вырубовой) // Русская Летопись. Париж, 1922. Кн. 4; Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. 1–2. Берлин, 1922; Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. Т. 3–5. М. – Л., 1923–1927; Танеева (Вырубова) А.А. Страницы из моей жизни// Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 4; Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925 и др.

6.

Лурье Л. Преступления в стиле модерн. СПб., 2005. С. 154.

7.

Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов / Составитель О.А. Шашкова. М., 1996. С. 245.

8.

Гурко В.И. Из Петрограда через Москву, Париж и Лондон в Одессу 1917–1918 гг. / Архив русской революции. Т. 15. Берлин, 1924. С. 58.

9.

Деникин А.И. Путь русского офицера. М., 2002. С. 86.

10.

Там же. С. 106–107.

11.

Сухоmлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 223–224.

12.

Падение царского режима. Т. 6. М. – Л., 1926. С. 291–292.

13.

Поливанов А.А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907–1916 гг. М., 1924. С. 35.

14.

Лукомский А.С. Воспоминания генерала. Т. 1. Берлин, 1922. С. 29.

15.

Кирилин Ф. Основатель и Верховный руководитель Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев. Ростов-на-Дону, 1919. С. 9.

16.

Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной Думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 7.

17.

Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М., 1992. С. 176–177.

18.

Богданович А.В. Три последних самодержца. Дневник. М., 1990. С. 411.

19.

Там же. С. 445.

20.

Там же. С. 447.

21.

Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 426.

22.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 10.

23.

Там же. С. 11.

24.

Берберова Н.Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. Харьков – М., 1997. С. 29.

25.

См.: Кобылин В.С. Анатомия измены. СПб., 1998. С. 74–75; Свитков В. Военная Ложа // «Владимирский Вестник». № 85. С. 10.

26.

Сухомлинов В.А. Воспоминания. Берлин, 1924. С. 235.

27.

Свитков В. Военная Ложа // «Владимирский Вестник». № 85. С. 12.

28.

Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 50.

29.

Там же. С. 51–52.

30.

Русское политическое масонство. 1906–1918 гг. (Документы из архива Гувeрского института войны, революции и мира). Комментарии В.И. Старцева // История СССР. 1990. № 1. С. 143, 145.

31.

Хасс Л. Русские масоны первых десятилетий XX века // Историки отвечают на вопросы. Вып. 2. М., 1990. С. 143.

32.

Там же. С. 151.

33.

ГА РФ. Ф. 6559. Оп. 1. Д. 3. Л. 1–2.

34.

Там же. Л. 10–12.

35.

Там же. Ф. 650. Оп. 1. Д. 35. Л. 65.

36.

Лемке М. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920. С. 312.

37.

Там же. С. 501.

38.

Там же. С. 615.

39.

Там же. С. 764.

40.

Переписка Николая и Александры Романовых. 1914–1917 гг. Т. 4. М. – Л., 1926. С. 119–120.

41.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 189.

42.

Родзянко М.В. Крушение империи. Харьков, 1990. С. 169.